

E.L. Shen

The Queens of New York

Е.Л. Шень

Королевы Нью-Йорка

*Перевела с английского
Дина Ключарева*

POPCORN BOOKS
Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
Ш47

THE QUEENS OF NEW YORK

E. L. Shen

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Шень, Е. Л.

Ш47 Королевы Нью-Йорка : [роман] / Е. Л. Шень ; пер. с англ. Д. Ключаревой. — Москва : Popcorn Books, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-907696-52-5

Джиа Ли, Ариэль Ким и Эверет Хоанг — лучшие подруги, и они неразлучны. Но эти летние каникулы они впервые проведут порознь.

Эверет, начинающая звезда Бродвея, надеется получить главную роль в театральной постановке в Огайо, но вскоре понимает, что для этого требуется не только талант.

Ариэль летит в Сан-Франциско за престижной стипендией, хотя сердцем она в Южной Корее, где в прошлом году погибла ее сестра.

А Джиа остается в Нью-Йорке, чтобы помогать родителям в их семейном ресторане, который когда-нибудь перейдет ей по наследству. Но Джиа мечтает совсем о другом.

Этим летом переменится все.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

© Дина Ключарева,
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
Popcorn Books, 2024
Copyright © 2023 by E. L. Shen

ISBN 978-5-907696-52-5

*«Палочкам-выручалочкам» — моим королевам Нью-Йорка.
А еще маме, Диане и бабушке — мысленно всегда с вами*

ИЮНЬ

1

Джиа

Чтобы сделать идеальный дамплинг*, нужны три элемента: тесто, мясной фарш и вода.

Ариэль — тесто: хрупкая основа, с ее помощью из ничего можно сотворить нечто прекрасное.

Эверет — фарш: крепкая, аппетитная, с перчинкой.

А я? Пожалуй, я — вода: та, благодаря кому все держатся вместе.

Желтые буквы вывески «Дамплинги у Ли» облупились и выцвели (папа все собирается их перекрасить), но в кухне кипит жизнь. Всю стойку занимают кунжутные шарики — они вот-вот отправятся во фритюрницу, — а вспотевшие повара пытаются пробудить от спячки сотни замороженных ча шау бао**.

За столиком у окна зевает Ариэль.

* Дамплинги — традиционное азиатское блюдо пельменного типа: фарш с овощами в обертке из тонкого теста. Приготовить дамплинги можно разными способами: сварить на пару или в бульоне, обжарить на сковороде. Здесь и далее — *прим. пер.*, если не указано иное.

** Паровые булочки с начинкой из пряной свинины.

— В самолете поспишь, — легонько хлопнув ее по голове, говорит Эверет.

Ариэль показывает ей язык и со шлепком стряхивает с ложки фарш на тоненький кружок теста.

— Дамплинги мои не порть, — делаю замечание я.

— Не твои, а твоих родителей, — поправляет Эверет. Она обводит рукой нашу внушительную линию сборки. — Фактически мы бесплатная рабочая сила, так что не занудствуй тут.

Я нарочито закатываю глаза, но сердце у меня сжимается. Я буду скучать по всему этому. По шедеврально слепленным утренним дамплингам и неторопливым поездкам на велосипедах по парку Флашинг-Медоус. По Эверет, рисующей аниме-героев и тихо напевающей что-то себе под нос. По возможности болеть за Ариэль, которая уничтожает оппонентов на дебатах, и подбадривать Эверет на всех ее мюзиклах. И по ночам, когда мы в спальнях мешках сбивались в кучку и отключались рядом с недоеденной пиццей и использованными тканевыми масками.

Мы познакомились еще семилетками, когда в толстых зимних куртках и меховых наушниках бодро скакали на ежегодном праздновании Лунного Нового года в Квинс. В те времена все было просто: наши родители работали волонтерами, поэтому мы попали на территорию до начала мероприятия и со свистом носились мимо еще закрытых магазинчиков, взрывая хлопушки с конфетти, пока папа не наорал на нас. Начался парад, и мы, задрвав головы, заворуженно глазели на огромного красного дракона, которого несли по улицам местные жители, и вокруг творилось нечто волшебное. Спустя десять лет то волшебство никуда не делось — оно так и живет в нашем городе и в нашей дружбе. Эверет учится в престижной частной школе

на Манхэттене, Ариэль, естественно, в лучшей государственной школе Квинс, поэтому во время учебного года мы видимся только по выходным.

Ну а летом... Лето для нас — особенное время. Каждое лето только для нас.

Так оно было, разумеется, до тех пор, пока обе подруги не решили меня бросить.

Мне хотелось бы обидеться на них, но я не обижена. Эверет воплощает в жизнь мечту: завтра она улетит в Огайо, где будет петь в элитном театральном институте до помутнения рассудка. А как же Ариэль? Что ж, ей, наверное, нужно побыть вдали отсюда. После происшествия с Беа она отгораживалась домашкой, «Нетфликсом» и бесконечным количеством непрочитанных сообщений. Однако усилия ее, видимо, не пропали даром, поскольку она закончила последний школьный год экстерном и получила грант на обучение в Университете Бристона в Калифорнии. Занятия начинаются в конце августа, но родители отправляют ее туда сегодня, чтобы она успела пройти двухмесячный курс подготовки к колледжу. Хотелось бы и мне улететь с ней вместе к берегам Сан-Франциско, но я вынуждена торчать дома, помогая маме и папе в ресторане, пока в Квинс не рассеется духота, а листья на деревьях не сменяют настроение на осеннее.

Эверет, словно прочитав мои мысли, толкает меня в плечо, не отрываясь от лепки дамплингов. Мы вытягиваем шеи и смотрим на Ариэль, которая прекратила раскладывать фарш по тесту и сидит, уставившись в окно остекленным взглядом. Лучи восходящего солнца тонкими мазками ложатся на ее бледные щеки. Я знаю: пусть она и здесь, с нами, но мыслями находится где-то далеко.

Эверет рисует на рассыпанной муке вопросительный знак — так начинается наша ежедневная игра «Чья очередь

тормошить Ариэль?». Я мотаю головой, и Эверет уступает. Положив готовый дамплинг на блюдо, она покашливает.

— Гм, детка, ты как там?

Ариэль резко поворачивается к нам и тут же хватается кружок теста.

— Ой, — говорит она, — простите, что торможу работу конвейера.

Улыбка у нее кукольная, как у пластиковой Барби, — это выражение лица она привычно принимает с прошлой осени.

Ресторан медленно наполняется солнечным светом. Семьдесят пять дамплингов выстроились в ровные ряды, как маленькие лодочки, что готовы отплыть вместе с Ариэль в Тихий океан.

— Знаешь, — шепотом говорю я и тянусь через стол к ее запястью, — Беа гордилась бы тобой.

Но Ариэль на меня не смотрит.

— Да, — говорит она и вдруг резко выпрямляется. — Миссис Ли, у нас тут все готово!

Из подсобки выходит мама: на ней кашемировый свитер и бежевые слаксы, завивка длиной до плеч. Она хостес и старается всегда одеваться в деловом стиле, даже если это подразумевает, что ей приходится каждый день надевать единственный приличный свитер. Купить еще один — это *lang fei**. Деньги нужны для того, чтобы платить по счетам. Изобилие, всегда говорит мама, это всего лишь сон.

Глядя на наши дамплинги, она одобрительно кивает.

— Неплохо. Может, когда-нибудь и вы здесь будете работать.

* Напрасная трата (*kum.*).

Она шутит, но краска заливает мне шею, уши горят. Я знаю, что это и есть *мое* будущее. Но не будущее Ариэль или Эверет.

Ариэль обтирает руки тканевой салфеткой и пододвигает блюда к маме.

— О другом мы и не мечтаем, миссис Ли.

Ариэль бросает взгляд на телефон, а потом, поджав губы, поднимает голову и смотрит на нас.

— Тебе пора, да? — спрашиваю я.

Ариэль кивает и выбирается из-за стола. Эверет уже всхлипывает, слезы тихо сбегают к подбородку. Мы шагаем к выходу, мама бросается за салфетками и протягивает их, смятые, Эверет. Она ненавидит плач даже больше, чем прощания.

— Удачи тебе в Калифорнии, Ариэль, — говорит она и уходит в подсобку с полными подносами дамплингов.

Я нагибаюсь и выкатываю из-под стойки три больших чемодана.

— Будем все время переписываться и устраивать видеосозвоны, — обещает Ариэль. — И электронные письма другу другу слать.

— О-о, *письма*, — восторгается Эверет. — Типа мы такие старомодные и переписываемся по-настоящему. Мне нравится эта идея.

— Окей, — говорю я. — Каждый день?

— Ариэль в тот же день на сообщения не отвечает, даже когда она *дома*. — Эверет шмыгает носом, а потом, осознав смысл сказанного, нервно сглатывает.

Но Ариэль, похоже, ничего не заметила.

— Эй, — смеется она, — я вообще-то стараюсь.

— Раз в *неделю*, — предлагаю я.

— Окей, — соглашаются девчонки, — раз в неделю.

Эверет обхватывает Ариэль за талию, сжимает ее хрупкую фигурку в объятиях.

— Спасите, меня душат!

Хватка Эверет не ослабевает.

— Ходи там за нас на свидания с красавчиками, ладно?

— О, само собой. Забью на учебу ради парней.

— Моя девочка.

Мы выходим на улицу, прячемся от летней жары в тени козырька. Флашинг* просыпается. Весь квартал увешан вывесками на китайском. Мистер Женг снимает с тележки стеклянный колпак, под которым обнаруживаются соленый пудинг из тофу и сладкое соевое молоко. Утренний воздух наполняется вонью старых паропроводных труб и сигаретным дымом.

Ариэль вызывает такси, и через пару минут к нам подлетает блестящий седан. Она запикивает чемоданы в багажник и обнимает нас на прощание.

— Два месяца, — говорит она, — а потом мы снова будем вместе.

Кажется, что это целая жизнь — и в то же время совсем недолго. Эверет кладет голову мне на плечо, и мы всё мажем, мажем, пока машина Ариэль не превращается в точку на горизонте.

А потом пропадает совсем.

* Один из старейших районов в Квинс, северо-центральной части Нью-Йорка. Во Флашинге расположен один из крупнейших чайнатаунов в США.

2

Джиа

Если я что-то и знаю об Эверет Хоанг — это то, что она ненавидит духоту. Поэтому мы отпираем замки на великах и педалируем прочь от гудящих вентиляторов ресторана в ледяное благо охлаждаемого кондиционерами дома Эверет.

Ехать недалеко, через парк, но город при этом меняется на глазах. Когда мы доезжаем до главной парковой аллеи, я притормаживаю, чтобы полюбоваться на Унисферу* — массивный стальной глобус, вокруг которого носятся скейтеры и сопливые карапузы. Он в буквальном смысле стоит на границе двух миров, отделяя голодные суетные улицы Чайнатауна, где сгорбленные старушки набивают скрипучие тележки пластиковыми бутылками, от роскошных тюдоровских особняков района Форест-Хилс-Гарденс, где газоны утыканы автоматическими поливалками, а мусорные баки скрыты от глаз.

Эверет мчит туда во весь опор, одной рукой держит руль, другой обмахивается меню доставки, прихваченным

* Стальная модель земного шара, расположенная в парке Флашинг-Медоус в Квинс. Унисфера была спроектирована ландшафтным архитектором Гилмором Кларком для Всемирной выставки 1964–1965 годов, проводившейся в Нью-Йорке.

со стойки ресторана. Парк сменяется улицами — всюду раскаленные черепичные крыши, вдоль дорог высятся деревья, — мы на месте. Эверет расстегивает шлем и приглаживает тонкие прядки, выбившиеся из французских косичек, в которые уложены ее волосы.

— Боже, — говорит она, оглядывая свой кроп-топ, — придется еще раз в душ сходить.

Мы завозим велосипеды в гараж, затем минуем прихожую. Несмотря на то что я уже бывала дома у Эверет примерно пятьсот раз, меня всегда накрывает чувством, будто я туристка в королевском дворце. Особняк для Хоангов оформлял дизайнер интерьера, поэтому изнутри тот напоминает чуть более элегантную современную версию дома мистера Бингли из «Гордости и предубеждения». Колонны обрамляют дверные проемы, на полу — персидские ковры, под потолком — хрустальные люстры. Эркерные окна выходят в сад, где садовник — манжеты у него в кайме грязи — корпит над кустом гортензий. Он бросает на меня взгляд и по-доброму улыбается, будто мы знакомы, будто мы с ним друзья и принадлежим одному миру.

Эверет вслед за лабрадудлем Уоткинсом заходит в гостиную и плюхается на диван, закинув одну ногу на подлокотник.

— Ариэль ведь справится, да? — спрашивает она, пока я, погладив ковер, устраиваюсь у ее ног. Уоткинс ложится мне на колени, подставляет брюшко — почеси.

— Не знаю, — без прикрас отвечаю я. — Надеюсь, что да.

— Ну, она все равно нам не расскажет, даже если не справится. — Эверет запрокидывает голову и протяжно вздыхает.

Каждый день мы обсуждаем одно и то же: Ариэль ведет себя отстраненно, Ариэль не реагирует на сообщения,

Ариэль где-то глубоко в себе. Но теперь она по-настоящему далеко, и мы ничего не можем с этим сделать. Я спихиваю Уоткинса с себя и залезаю на диван поближе к Эверет.

— Выше нос, — говорю я. — Подумай о завтрашнем дне.

Эверет расплывается в улыбке и садится прямо.

— Джиа, это будет *так* классно. В первый день объявят название постановки, и у меня такое чувство, что это будет какая-то реально, ну, знаешь, эмоциональная и резонансная история. Типа «Кабаре». Или «Рэгтайма». О-о-о, или может, это будет что-то концептуальное вроде «Мы едем, едем, едем».

— Или «Звуков музыки»*.

Эверет кидает в меня подушкой, и я визжу, когда та прилетает мне в лицо. Эверет ненавидит «Звуки музыки», потому что ненавидит все — как она это называет — *приторное и примитивное*. Зато может годами разглагольствовать о символизме костюма гориллы в «Кабаре» или замысловатых поучениях об искусстве и жертвенности в «Воскресенье в парке с Джорджем»** (да, она все уши мне об этом прожужжала, и я запомнила). По ее версии, мюзиклы —

* Классические бродвейские мюзиклы. «Кабаре» — мюзикл Джона Кандера, основанный на пьесе Джона Ван Друтена «Я — камера» (1951), которая, в свою очередь, является сценической адаптацией романа «Прощай, Берлин» Кристофера Ишервуда. Бродвейская премьера мюзикла состоялась в 1966 году. «Рэгтайм» — мюзикл по мотивам одноименного романа Эдгара Лоренса Доктороу 1975 года; премьера на Бродвее состоялась в 1998 году. «Мы едем, едем, едем» — мюзикл Стивена Сондхайма, основанный на одноименной пьесе Джорджа Кауфмана и Мосса Харта 1934 года. Вышел на Бродвее в 1981 году. «Звуки музыки» — мюзикл Ричарда Роджерса и Оскара Хаммерстайна по мотивам автобиографии Марии фон Трапп. Премьера на Бродвее прошла в 1959 году.

** Мюзикл Стивена Сондхайма, основанный на романе Джеймса Лапина. Дебютировал на Бродвее в 1984 году.

не просто истории о том, как двое влюбились друг в друга. Это истории о смысле жизни.

— Повеселишься там от души, — сказала я. — Со всеми этими кукурузными зарослями.

— И всеми этими *парнями*. — Эверет поигрывает бровями.

— Да ты ни за что с театрами встречаться не будешь, Эверет.

Она открывает рот, чтобы остроумно парировать, но молчит — ведь я права. Эверет давно мечтает о бойфренде, но среди друзей-театралов у нее преобладают девчонки, а остальные не вылезают из драм, и ей не хочется с такими встречаться. В девятом классе у нее был парень, Ричи, но их отношения продлились недолго: пару раз пообжимались, три раза сходили после школы в «Старбакс», а потом расстались. При этом Эверет хочется, чтобы нынешнее лето стало *ее* летом — непременно с пылким мимолетным романом с каким-нибудь загорелым юным фермером из Монтаны или очаровательным хипстером из Орегона. Я буквально вижу, как она прямо сейчас фантазирует об этом, глядя в сад и бездумно поглаживая Уоткинса.

— Джа?

— Что?

Эверет улыбается собственным мыслям.

— Это будет лучшее лето на свете.

Я не выдерживаю. Зависть щиплет меня изнутри, струится по венам. Я утыкаюсь взглядом в пол, туда, где между носков торчат ворсинки ковра. Эверет тут же пододвигается, кладет голову мне на плечо.

— Прости, — говорит она, — бестактно вышло.

— Нет. — Я мотаю головой. — У тебя и *будет* лучшее лето на свете. Это я просто хандрю.

— Джиа Ли? Которая хандрит? Совершенно невысказано. — Эверет целует меня в лоб и ложится обратно.

Вот только я действительно хандрю. Будь папа здесь, он бы сказал: «Зависть все равно что песчинка в глазу». Это одна из его любимых древних китайских пословиц. Он ежедневно твердил ее, когда я рыдала из-за того, что не могла поехать с классом в Бостон. Все мои мысли были заняты черными ставнями в доме Пола Ревира* и Банкер-Хиллским монументом**, фотки с которыми мои одноклассники будут выкладывать в «Снэпчат», сплетнями до поздней ночи в гостиничных кроватях и кино в автобусных телевизорах, которое никто не хотел смотреть, но все втайне им наслаждались. Папа сказал, что обо всем этом я могу прочесть и в «Википедии» и что деньги на поездку нужны нам для оплаты ренты за следующий месяц. «Помни, что важно на самом деле», — предостерег он меня.

Я вдыхаю аромат дорогого парфюма и гортензий и стараюсь помнить. Важно, что Паркинсон у бабули становится все более выраженным и она нуждается в моей помощи. Если она упадет или забудет принять лекарства, я никогда себя не прощу. И Сиси всего шесть, она любит играть в «классики», подбирает мусор с пола в метро и вопит, если я целых пять минут не обращаю на нее внимания. Этим летом мне будет чем заняться. Мне нужно выполнить свое

* Пол Ревир (1734–1818) — уроженец Бостона, американский ремесленник, серебряных дел мастер во втором поколении, ювелир, гравировщик, промышленник и патриот. Один из самых прославленных героев Американской революции.

** Банкер-Хиллский монумент — памятник, воздвигнутый на месте первого крупного сражения между английскими и американскими войсками, которое произошло на высотах Банкер-Хилл и Бридс-Хилл к северу от Бостона 17 июня 1775 года во время Войны за независимость США.

предназначение. Таков гениальный план моих родителей: я получу диплом младшего специалиста за два года в колледже, перейму у мамы с папой все основы руководства рестораном и в конце концов приму бразды правления, а они выйдут на пенсию. Мое будущее хрустально прозрачно, как люстры в доме Хоангов.

Мы с Эверет некоторое время сидим молча — только мы, Уоткинс и тихий шорох кондиционера. Родители Эверет на работе, старшие братья — в колледже, проходят летние интернатуры, поэтому в доме царят умиротворение и тишина. Может быть, ничего не изменится и мы сможем просидеть так всегда.

Я наклоняюсь к Уоткинсу — даю ему облизать ладонь, пахнущую зеленым луком, — но тут Эверет отталкивает меня и показывает в сторону вестибюля.

— Фургон с мороженым, — говорит она, и до меня тоже доносится его веселая мелодия. Сначала она звучит в отдалении, потом все ближе и ближе.

Эверет хватается меня за руку и, практически сдернув с дивана, тащит к выходу из дома. Мы скользим по паркету, как конькобежцы по льду. Эверет на ходу сгребает несколько долларовых банкнот из жестянки на столике возле двери и сбегает вниз по крыльцу, торопит меня — не отставай.

Я пыхчу ей в спину. Что Эверет любит больше всего — помимо театра? Мороженое.

Мы достигаем дороги как раз в тот момент, когда у обочины останавливается фургон — бело-голубой, с классическим логотипом «Мистера Мороженки» в виде сахарного рожка: можно подумать, это некий местный деликатес, а не разбавленное молоко с сахаром ценой в три доллара. Форест-Хилс-Гарденс — единственный в округе Квинс район, где фургон с мороженым сам приезжает к твоему дому.